
Наука и рабочее движение в СССР

*На вопросы журнала отвечает
лидер Комитета содействия рабочему движению
и самоуправлению трудящихся Г. РАКИТСКАЯ*

"ОНС" Галина Яковлевна, что побудило Вас — старшего научного сотрудника Института экономики АН СССР, кандидата экономических наук связать свою судьбу с независимым рабочим движением?

Г. Р. Официальная общественная наука доперестроечных времен почти исключительно была занята обслуживанием системы. Подъем политической активности масс в 1988—1989 гг. создал условия для возрождения обществоведения, поскольку у гуманистически настроенной науки появился реальный адресат, требовательный социальный заказчик—народно-демократические движения. Общественные движения нуждаются в постоянной профессиональной научной помощи. У сил демократии нет пока своих исследовательских центров, но научные силы, действительно сохранившие демократическое, гуманистическое мировоззрение, все больше и больше включаются в научное обслуживание революционно-демократического варианта выхода общества из исторического тупика на путь социального прогресса.

Группа ученых-обществоведов объединилась в 1990 г. в Комитет содействия рабочему движению и самоуправлению трудящихся. Нас побудило к этому шагу стремление содействовать своими знаниями, теоретическими разработками активизации и идейному обогащению рабочего движения, демократических движений трудящихся, выступающих в защиту прав и интересов рабочих, за развитие народного самоуправления. До своего объединения в Комитет его члены в 1988—1989 гг. были инициаторами и организаторами ряда совместных научно-практических семинаров ученых и активистов рабочего движения. Мы помогали идейному и организационному самоопределению Конфедерации труда, Союза трудовых коллективов страны, демократических организаций трудящихся. Комитет работает на общественных началах и открыт для взаимодействия и сотрудничества со всеми, чья профессиональная или общественная деятельность соответствует его задачам.

«ОНС» Уже достаточно долго, и чем дальше, тем настойчивее с высоких трибун говорят о приближении катастрофы, о том, что в стране вот-вот наступит полный экономический крах, воцарится всеобщий хаос, начнутся межнациональная резня, гражданская война. Таким образом, в общественное сознание внедряется мысль, что нет иного выхода, кроме реализации так называемых непопулярных мер, т. е. предлагается выход из кризиса за счет трудящихся. Как Вы относитесь к подобным утверждениям? Есть ли другой выход из тупика, в котором мы оказались?

Г. Р. Прежде чем ответить на этот вопрос, я хотела бы вкратце вычленить основные моменты идейно-практической платформы реформаторского

крыла высшего руководства. Суть ее можно охарактеризовать как *идеологию чрезвычайных обстоятельств и программу чрезвычайных мер*. Подробное изложение и обоснование первоначального варианта этой платформы были даны руководством страны на I Съезде народных депутатов СССР. В докладах М. Горбачева и Н. Рыжкова кризис был представлен как кризис в экономике — как расстройство финансовой системы, разбалансированность рынка и т. п. Предлагалось в связи с чрезвычайными экономическими обстоятельствами осуществить ряд чрезвычайных экономических мер, которые привели бы к стабилизации на рынке. При этом главная задача усматривалась в том, чтобы срочно «накормить и одеть народ», устранив тем самым причины недовольства населения, смягчив социальную напряженность. И лишь затем (года через полтора) предполагалось начать переход к радикальным преобразованиям в хозяйстве. «Накормить и одеть народ», решить другие наиболее «кричащие» социально-экономические проблемы руководство собиралось старыми, испытанными, лишь слегка подновленными методами. Народу же предлагалось в очередной раз поверить в мудрость руководства, в успех продолжения перестройки сверху в соответствии с замыслами номенклатурных реформаторов и их усилиями. Как и следовало ожидать, программа чрезвычайных экономических мер не была выполнена. И не только потому, что народ не очень-то поверил правительству и не захотел послушно ждать обещанного улучшения жизни. Для налаживания экономической ситуации *не были созданы необходимые политические предпосылки*. Такими предпосылками являются изменения характера власти, методов управления в обществе и хозяйстве. Горбачевское руководство и в 1989 г. не пожелало (или же не смогло из-за сопротивления аппарата) сделать какие-либо серьезные практические шаги по пути к демократии, побоялось опереться на демократические силы в России, на народно-демократические освободительные движения в других республиках. Оно противопоставило себя и наконец-то возродившемуся в стране рабочему движению и все время просило — и продолжает просить — народ подождать, поверить, потерпеть, не требовать, не давить, не бастовать. Словом, не срывать его тактику топтания на месте.

Ответственность за дальнейшее ухудшение состояния хозяйства, за обострение товарного дефицита, за экономические потери от забастовок и пр. целиком лежит на руководстве, выдвинувшем такую программу, которая заранее была обречена на провал, продлевала власть номенклатуры, привела к обострению отношений между КПСС, аппаратом, с одной стороны, и народом — с другой. Вместо того, чтобы пересмотреть свою программу в необходимом направлении, руководство продолжает упорно следовать ей, выдвигая все новые и новые требования чрезвычайных мер и полномочий.

Горбачевское руководство отбросило путь введения демократических политических предпосылок экономического подъема — путь раскрепощения народной инициативы. Оно выбрало другой путь — наведение в стране порядка при помощи сильной власти Президента СССР, «твердой руки» в Центре. Внеочередной III, а затем и IV Съезды народных депутатов СССР существенным образом изменили политическую систему страны, но не в сторону демократии. Президент был наделен широчайшими полномочиями, отняв их у советов. При этом не случайно Президентом стал лидер КПСС. Формально отменив статью 6 Конституции СССР, III Съезд поделил власть между советскими органами и Президентом-генсеком, следовательно, придал монополии КПСС и ее аппарата новый, смягченный облик и новую, замаскированную жизнь. Таким образом, платформа чрезвычайных экономических обстоятельств и мер была на деле преобразована в платформу, оправдывающую чрезвычайные политические меры

по закреплению высшей власти в руках лидера номенклатурных реформаторов.

«ОНО Президент М. Горбачев решительно отвергает подобные высказывания, заявляя, что именно он с реформаторами КПСС возглавил демократические преобразования в стране, что попытки приписать ему стремление к диктаторским полномочиям беспочвенны, ибо как генеральный секретарь ЦК КПСС он обладал в 1985 г. действительно неограниченной властью и тем не менее сам пошел на проведение реформ.

Г. Р. В этой аргументации отсутствует одна существенная деталь. Действительно, перестройка — инициатива высшего партийного руководства. Но процесс вышел за рамки либерального обновления сверху, возникли демократические движения, началась революция снизу. В этих условиях власть Президента нужна либеральной номенклатуре и коррумпированному аппарату для решения своих двух главных задач. Во-первых, чтобы решительнее пресекать или ХОТЯ бы сдерживать общественное давление демократических сил. Во-вторых, чтобы поскорее провести реформы в своих интересах, т. е. успеть занять наилучшие позиции в «перестроенном» обществе. Это такие реформы, которые позволяют перевести «капитал» прежней лжезаконной власти в экономический капитал, охраняемый новым законом.

Приведу лишь два доказательства попыток использования новой политической системы против народных интересов, против народных движений. Это вся цепь событий в отношениях центрального и литовского правительств, начавшаяся экономической блокадой и политическими санкциями и приведшая в итоге к кровавой трагедии. Это и концепция перехода к регулируемой рыночной экономике, обнародованная в мае 1990 г. от имени правительства СССР на третьей сессии Верховного Совета СССР, которая, несмотря на всю ее критику, начала реализовываться сначала правительством Н. Рыжкова, а затем и его прямым преемником — кабинетом министров В. Павлова. Здесь я хотела бы особенно подчеркнуть, что если в программах 1989 г. чрезвычайные меры провозглашались как средство скорейшего улучшения жизни народа, то первоочередные меры майской концепции — это сильнейший удар по материальному положению трудящихся, попытка снизить спрос населения на товары и услуги и залатать дыры в государственном бюджете за счет трудящихся, за счет очередного их ограбления. Лозунг «побыстрее накормить и одеть народ» заменен обещаниями не дать умереть с голоду малоимущим.

При этом характерно, что высшие партийные и хозяйственные руководители, да и директора многих крупных государственных предприятий жалуются на политическую нестабильность, на забастовщиков, выдвигающих требования к Центру, на нарушения закона о забастовках (а они, как известно, были заранее predetermined недемократичностью закона), на митинговую демократию. Они призывают союзную власть ужесточить требования к участникам производства, чтобы обеспечить экономике способность «нормально работать». Здесь все логично: если у народа собираются отнимать заработанное, необходимо ограничить и его политические права, отнять возможность протестовать.

«ОНС» Но сложность ситуации в стране отнюдь не исчерпывается кризисом в экономике.

Г. Р. Действительно, номенклатурные реформаторы все реже стали употреблять термин «революция» применительно к тому, что происходит в СССР. Впрочем, они и раньше-то использовали это слово лишь как образное, броское выражение, рассчитывая на повышение эффективности

производства за счет усовершенствования (а не коренного изменения) способов управления хозяйством. Советская перестройка, затеянная правящей группой как либеральные реформы сверху, на деле стала перерастать в народную, социальную революцию. Кризис в экономике — одно из проявлений глубокого кризиса всего нашего общественного строя, одно из свидетельств необходимости его действительно революционного преобразования.

Главное противоречие нашего общества — противоречие *между командно-карательной властью и народом*. Такое противоречие можно устранить только путем смены типа, характера власти. Здесь не могут помочь перестановка лиц в руководстве, в аппарате, «дворцовые перевороты». В Декларации основных принципов Конфедерации труда не случайно говорится: «Мы не надеемся на добрых вождей и заботливых, номенклатурных руководителей. Мы выступаем не за обновление кадров при сохранении прежнего характера и прежней структуры власти, а за замену командно-карательных методов управления демократическими». Такая перемена власти — одна из главных характеристик социальной революции.

Особенность революции, которая отличает ее от либеральных реформ, — изменение направления (целенаправленности) развития общества. Наша система развивалась до сих пор не в русле гуманизма, а в направлении совершенствования способов угнетения, подавления, эксплуатации. Переход от диктатуры к демократии вернет нас на путь гуманизма, откроет возможности развития в интересах трудящихся, а не в интересах какой-либо группы (касты), захватившей власть. Переход к демократии — основная задача, первоочередная цель нашей революции. Перестройка сверху (революция сверху) не может решить эту задачу. Перейти от командно-карательной системы, от диктатуры партийно-государственного аппарата к демократическому (народному) государству нельзя без массовых общественных движений, без включения в политическую жизнь, в организованную политическую борьбу широких слоев населения. Зачем номенклатуре уступать власть народу, устанавливать демократию, если народ не протестует, не требует, не митингует, не бастует, словом, не «давит» на номенклатуру, а ждет от нее добровольных уступок и поправок?

«ОНС» Но сегодня в прессе не только консерваторы, но и либеральные реформаторы высказывают опасения, связанные с активизацией народа. Они изображают революцию непременно как общественную катастрофу, хаос, бунт, вооруженные восстания, кровопролитие.

Г. Р. Это сознательная ложь. Свой коллективный протест, свою политическую активность народ может организовать таким образом, чтобы не допустить кровопролития, обеспечить мирное развитие революции. Именно для этого нужны независимые (от номенклатуры) профессиональные союзы, нужна самоорганизация в форме массовых политических партий, народных фронтов, блоков всех демократических сил. Пример мирных революций в Прибалтике убеждает, что и в других республиках можно и нужно обойтись без вооруженного насилия, без кровопролития. Это подтвердила и сдержанность сторонников независимости Литвы и Латвии в ответ на кровавые провокации в январе 1991 г. в Вильнюсе и Риге.

Революционная ситуация сложилась в СССР еще в 1988 г., когда на политической арене появились массовые самоорганизующиеся демократические движения. Основные линии демократического революционного процесса в СССР сейчас — это народно-освободительные движения, направленные на слом имперского характера СССР, и демократическое рабочее движение. С осени прошлого года возникло и обещает стать широким движение за самоуправление трудовых коллективов. Оно,

надеюсь, найдет способы органической взаимоувязки с рабочим движением. В РСФСР до возрождения рабочего движения нельзя было говорить о народно-демократической революции, поскольку «неформальное» движение разночинной интеллигенции — лишь начало оживления общества, предвестник революции. Силу и устойчивость революционному процессу придает политическая активность рабочего класса. Это подчеркнуто в Декларации основных принципов Конфедерации труда. И там же справедливо сказано, что без сотрудничества с демократической интеллигенцией, без союза со всеми прогрессивными силами у рабочего движения нет будущего.

«ОНС» Как бы Вы охарактеризовали главную линию общественных процессов в последние два-три года?

Г. Р. Перерастание перестройки в революцию. Оно идет не гладко. Происходит постоянное противоборство политики либеральных реформ и народных движений. Сопrotивление консервативных (неосталинистских) сил переменам — дело очевидное, ведется открыто. Противоборство же революции сверху с революцией снизу идет по большей части в неявном, замаскированном виде. Поэтому в центр общественного внимания то и дело попадают схватки по отдельным, а то и второстепенным вопросам, из-за чего основные направления противостояния номенклатурных реформаторов и народа остаются «за кадром», в тени. На первый план выдвигается череда частных проблем и кризисов. Но наиболее значимым полем столкновения интересов номенклатурных реформаторов и широких масс трудящихся становятся сейчас цели и способы перехода к рыночной экономике. Спрашивается, почему номенклатура одновременно призывает перейти к рыночной экономике и как бы нарочно запугивает народ рынком?

Не так давно, в 70-е годы, официальная советская наука и пропаганда усиленно противопоставляли социализм и рынок. При этом социализм отождествлялся с командно-карательной системой (ее называли плановой), а рынок — с капитализмом и эксплуатацией. В таких пропагандистских конструкциях все перепутано. Да и сейчас вокруг плана, рынка, социализма, эксплуатации, частной собственности много путаницы. Дело в том, что стремление номенклатуры увести от главной проблемы — от борьбы с тоталитаризмом — запутывает самые простые вещи. Как план, так и рынок — продукты и составные части современной культуры хозяйствования. Рынок — неподкупный объективный соразмеритель умелости, качества и экономичности работы, услужливости производителя. Правда, рынок «не видит» дальних последствий, он стратегически слаб. Зато план с его прогнозом, целеполаганием и программно-целевым способом организации хозяйственных взаимодействий «видит» далеко и достаточно точно. У плана, однако, есть слабость: плановый проект не учитывает всего, что может оказаться существенным для реального хозяйства. Вот почему план и рынок развивались всегда неразлучно и в XX в. породили планомерное товарное хозяйство или регулируемую рыночную экономику. Мы от этого достижения культуры весьма далеки. У нас нет плана — есть командование. У нас нет культурного рынка — есть распределение (фондирование) волей вышестоящего начальства.

Тоталитаризм извратил как плановое, так и рыночное начало хозяйства. Командно-карательные методы управления означают утрату экономического суверенитета субъектами хозяйствования (людьми, семьями, коллективами, территориальными общностями, народами, всем народом). Суверенитет — верховенство в принятии решений. Народ, социальные группы, трудовые коллективы, люди лишены власти в обществе и в хозяйстве. Они ничего не решают, они — только исполнители чужого решения. А кто

решает? Тот, у кого монополия на власть, — правящая каста, номенклатура (партийная, советская, хозяйственная). Когда народ лишен власти в хозяйстве, план превращается в командно-карательную акцию, а рынок лишается субъектов взаимоотношений. Все хозяйство становится сферой взаимодействия декоративных хозяйственных субъектов, по сути дела, крепостных, а то и рабов.

Так продолжается, пока тоталитарный режим в силе. Положение меняется, когда он попадает в состояние острого кризиса. Это и случилось с советским тоталитаризмом в 80-е годы. Обострение кризиса закономерно. Отчуждение народа от власти, пресечение инициативы, активности, даже просто разнообразия мыслей и поступков приводит к падению нравов, к дезорганизации производства, к разложению как подневольных, так и правящей касты. Возникает острая нужда повысить эффективность, без чего тоталитаризм теряет возможность наращивать военную мощь, рискует утратить положение сверхдержавы. *Угроза потерять положение сверхдержавы — главная причина замыслов перестройки.*

Сперва вопрос ставился просто: давайте нажмем, повысим производительность, поднимем темпы. В общем: «Даешь ускорение!». Но не получилось. Тогда решили кое-что поменять в организации хозяйства, воспитать «чувство хозяина». Не вышло. Тогда объявили реформу, однако ничего не сдвинулось с места, разве что зашевелились спекулянты и кооператоры. На крупных же предприятиях все по-старому. Стало ясно: дело упирается в недемократическую политическую власть. Правящая каста должна уйти от власти. Но согласиться с этим наша номенклатура никак не хочет.

И вот новая попытка сохранить без изменений политическую систему, но повысить эффективность хозяйствования. Состоит она в стремлении тоталитарного режима продержаться за счет развития рыночных отношений. Надежды возлагаются на одностороннюю активизацию трудящихся: возбудить «чувство хозяина», но заблокировать при этом гражданское чувство, политическую активность. Тоталитарный режим хотел бы воспитать такого хозяйствующего субъекта, который считал бы естественным соединением тоталитарной политической системы с чисто хозяйственной активностью.

«ОНО Выполнима ли такая задача?»

Г. Р. Скорее всего, нет. Но не забывайте, что исходным состоянием перестройки и перехода к рынку является общество с политически одурманенными людьми. Уже сейчас многие говорят: «альтернативы рынку нет», «частная собственность разовьет инициативу», «предприниматель все отлично организует», «пусть эксплуатируют, если прибавят корму» и т. п. Как картинку из нашего будущего показывают то «шведский социализм», то «американский образ жизни». При этом забывают предупредить, что в короткий срок трудно перейти от существующих в СССР к передовым для современного мира организации производства и культуре работы. Расчет номенклатуры прост: если не удастся заблокировать политическую активность при переходе к рыночным методам принуждения, то господское положение номенклатуры можно будет переформировать в законную частную собственность. То есть номенклатура не против развития и капитализма, если она сама превратится в класс капиталистов. Разгосударствление и приватизация начались именно такими способами, которые закрепляют народное имущество и власть в хозяйстве за бывшей номенклатурой, партгосаппаратом. К сожалению, либеральные демократы, во многом определяющие сегодня характер законов и подход к реформе собственности в Верховном Совете РСФСР, связывают выход из кризиса также с развитием по преимуществу частнокапиталистического предпринимательства.

решает? Тот, у кого монополия на власть, — правящая каста, номенклатура (партийная, советская, хозяйственная). Когда народ лишен власти в хозяйстве, план превращается в командно-карательную акцию, а рынок лишается субъектов взаимоотношений. Все хозяйство становится сферой взаимодействия декоративных хозяйственных субъектов, по сути дела, крепостных, а то и рабов.

Так продолжается, пока тоталитарный режим в силе. Положение меняется, когда он попадает в состояние острого кризиса. Это и случилось с советским тоталитаризмом в 80-е годы. Обострение кризиса закономерно. Отчуждение народа от власти, пресечение инициативы, активности, даже просто разнообразия мыслей и поступков приводит к падению нравов, к дезорганизации производства, к разложению как подневольных, так и правящей касты. Возникает острая нужда повысить эффективность, без чего тоталитаризм теряет возможность наращивать военную мощь, рискует утратить положение сверхдержавы. *Угроза потерять положение сверхдержавы — главная причина замыслов перестройки.*

Сперва вопрос ставился просто: давайте нажмем, повысим производительность, поднимем темпы. В общем: «Даешь ускорение!». Но не получилось. Тогда решили кое-что поменять в организации хозяйства, воспитать «чувство хозяина». Не вышло. Тогда объявили реформу, однако ничего не сдвинулось с места, разве что зашевелились спекулянты и кооператоры. На крупных же предприятиях все по-старому. Стало ясно: дело упирается в недемократическую политическую власть. Правящая каста должна уйти от власти. Но согласиться с этим наша номенклатура никак не хочет.

И вот новая попытка сохранить без изменений политическую систему, но повысить эффективность хозяйствования. Состоит она в стремлении тоталитарного режима продержаться за счет развития рыночных отношений. Надежды возлагаются на одностороннюю активизацию трудящихся: возбудить «чувство хозяина», но заблокировать при этом гражданское чувство, политическую активность. Тоталитарный режим хотел бы воспитать такого хозяйствующего субъекта, который считал бы естественным соединением тоталитарной политической системы с чисто хозяйственной активностью.

«ОНО Выполнима ли такая задача?»

Г. Р. Скорее всего, нет. Но не забывайте, что исходным состоянием перестройки и перехода к рынку является общество с политически одурманенными людьми. Уже сейчас многие говорят: «альтернативы рынку нет», «частная собственность разовьет инициативу», «предприниматель все отлично организует», «пусть эксплуатируют, если прибавят корму» и т. п. Как картинку из нашего будущего показывают то «шведский социализм», то «американский образ жизни». При этом забывают предупредить, что в короткий срок трудно перейти от существующих в СССР к передовым для современного мира организации производства и культуре работы. Расчет номенклатуры прост: если не удастся заблокировать политическую активность при переходе к рыночным методам принуждения, то господское положение номенклатуры можно будет переоформить в законную частную собственность. То есть номенклатура не против развития и капитализма, если она сама превратится в класс капиталистов. Разгосударствление и приватизация начались именно такими способами, которые закрепляют народное имущество и власть в хозяйстве за бывшей номенклатурой, партгосаппаратом. К сожалению, либеральные демократы, во многом определяющие сегодня характер законов и подход к реформе собственности в Верховном Совете РСФСР, связывают выход из кризиса также с развитием по преимуществу частнокапиталистического предпринимательства.

"ОНС" Вы охарактеризовали цели, которые, на Ваш взгляд, преследует либеральная номенклатура, проводя политику реформ. Цели эти противостоят интересам трудящихся. Каковы в таком случае должны быть задачи демократического движения, точнее — рабочего движения, одним из лидеров комитета содействия которому Вы являетесь?

Г. Р. Главная задача в политической области, которая все еще не выполнена,— окончательно устранить монополию номенклатуры (партийно-государственного аппарата) на определение целей и путей развития нашего общества. Эта общедемократическая задача приобрела сейчас чрезвычайную актуальность, поскольку реализация задуманных номенклатурными реформаторами планов преобразования Экономических отношений способна привести к *труднообратимым и крайне отрицательным для трудящихся социальным последствиям*: правящая каста преобразится в класс крупных частных собственников, интересы которых будут охраняться, на первый взгляд, демократическим законом. Новый класс наверняка исползует свое новое положение в первую очередь для того, чтобы расправиться с еще неокрепшим и слабо организованным рабочим движением. Политика удушения, раскола рабочего движения, опирающаяся на запугивание перспективой потерять работу, имеет шанс на успех. Возможно, что она не вызовет достаточного сопротивления в обществе, которое психологически упорно готовят к будто бы неизбежному увеличению числа безработных до многих миллионов. Рабочее движение будут раскалывать, конечно же, и методами подкупа лидеров (новый класс может взять их «в долю» при разделе имущества и экономической власти), а также при помощи тактики мелких подачек, уступок рабочим, не вовлеченным еще в активную борьбу с системой.

Если рабочее движение задавят, номенклатура поведет нужную ей перестройку хозяйства в еще большей степени за счет народа. Отсюда вывод: *ни в коем случае нельзя ослаблять движение коллективного протеста против аппаратных планов перехода к рынку*. Надо, напротив, его всячески расширять и наращивать, объясняя людям, чем им этот план грозит. Нельзя ослаблять «давление снизу» на органы республиканской и союзной советской власти, ибо только такое прямое давление (в том числе и через народных депутатов) является сегодня практически единственным способом контроля за деятельностью этих органов и мирного воздействия на них. Это не значит, что надо непременно бастовать. Возможно, что действенным способом окажется постоянное поддержание готовности к слаженным массовым забастовкам.

Политическая жизнь, политические действия требуют для своего выражения адекватных форм. Совершенно ясно, что без создания новых независимых структур массовых политических организаций и партий невозможно успешно отстаивать интересы рабочего класса, трудящихся в острой политической борьбе. Сегодня очевидна полная несостоятельность версии, что КПСС партия рабочего класса, защитник его интересов. КПСС встроена в структуры тоталитарного общества и выражает интересы партийно-государственной номенклатуры. Нужна организованная сила, способная стать ей реальным противовесом.

Не обязательно создавать партии по схеме КПСС с жесткой дисциплиной, с диктатом руководящих органов и т. п. Главное— вовлечь в сферу влияния уже существующих и объединяющихся независимых рабочих организаций новых людей. Важно, чтобы все рабочие поняли: защитить права каждого удастся, если положение рабочего класса в целом будет ограждено от очередных экспериментов и дальних замыслов номенклатуры. А для этого мало (хотя и необходимо) расширять независимое профсоюзное движение. Нужен еще и переход к политической орга-

низованности народа, к массовым организациям и партиям. Только их солидарные действия могут сперва уравновесить, а потом и перевесить силу командно-карательной власти.

«ОНС» На практике политическая и экономическая борьба неразделимы. Как бы Вы сформулировали задачи рабочего движения в экономической борьбе?

Г. Р. Боюсь, ответ получится пространный. Прежде всего рабочим не надо поддаваться запугиванию экономическим крахом и катастрофой. В современной ситуации нам нужны не чрезвычайные, а радикальные последовательные меры. Советское хозяйство гниет уже 20 лет, но раньше это гниение брежневская номенклатура изображала как процветание и прогресс, а теперешняя номенклатура живописует как крах и хаос. Налицо две **тактики** одной и той же антинародной силы. Либо усыплять народ, либо пугать его. Чего номенклатура хочет добиться запугиванием? Согласия на крутые меры, включая урезание политических и трудовых прав, запрет забастовок и других форм рабочего протеста. Номенклатура хочет, чтобы граждане позвали ее защитить их от экстремистов и забастовщиков. Помните письма со всех концов страны насчет того, что вы, дескать, бастуете, а у нас дети мерзнут? Все это один и тот же почерк. Чрезвычайщина — испытанная тактика номенклатуры. Она радуется всему, что создает чрезвычайность ситуации, а кроме того — сама искусственно создает ситуации тревоги и переполоха. В таких условиях она кормит народ обещаниями кое-что подправить и уступить, а на деле зажимает людей, продлевает свое господство.

Из тупика нашу экономику могут вывести не чрезвычайные полумеры, а последовательные действия по созданию нового экономического порядка. Сколько же можно водить людей за нос, ссылаясь на трудности, которые само же руководство страны и создает? Неспособность номенклатурного руководства провести хозяйственные реформы обнаружилась давно и теперь ясна всему народу. Так что панические крики о катастрофе, хаосе, о трудностях и чрезвычайных обстоятельствах надо пропускать мимо ушей. Эти крики должны напомнить только об одном: у руля хозяйства — люди, не способные управлять, это опасно, надо отбирать у них власть. Пробуксовка в проведении хозяйственных реформ в большой мере вызвана ошибкой в определении приоритетного направления практических действий. Радикальные преобразования хозяйственного механизма решено было начать с предприятия и объединения, отладить работу этих низовых хозяйствующих звеньев и на этой основе внести коренные изменения в деятельность всех вышестоящих звеньев хозяйственного управления. Так была задумана последовательность перестройки. Замысел этот, как показала практика, неудачен.

Лозунг «начать с предприятия» очень выигрышен в социально-психологическом и в ближнем политическом планах. Создается впечатление, что дело делается решительно, серьезно, в самом нужном месте. Однако реализация этого лозунга сопряжена с возможностью разочарования в недалеком будущем, когда оказывается, что предоставленные предприятию права и свободы в законе записаны, а в жизни нереализуемы, ибо подход к проблемам был на уровне доперестроечного мышления.

Концепция «начать с предприятия» больно ударила по здоровым попыткам развить предприимчивость в хозяйстве, породить разнообразие организации низовых звеньев. Была узаконена модель государственного предприятия, а не социалистического предприятия вообще. Это сразу же поставило заслон творчеству новых форм. Из поля зрения выпали кардинальные проблемы преобразования общества в целом, без чего существен-

но изменить условия деятельности любого звена и их совокупности просто невозможно, нереально. Предприятие было поставлено в условия, когда оно должно было впредь до осуществления политической реформы бороться со всей старой, по существу, системой управления, да еще и поддерживаемой прежней недемократической политической системой. Это парализовало ход экономической реформы в самом начале.

«Начать с предприятия» — концепция неверная. Верная — «начать с государства». Такой подход имеет те несомненные преимущества, что в центре внимания оказывается хозяйство в целом и притом в неизбежной увязке с необходимыми преобразованиями политической системы. Отдавая приоритет переделыванию государства, мы ставим в центр перестроечной деятельности разрешение главного противоречия нашего общества — *отчуждение народа от власти и властей от народа*. Мы решаем в этом случае коренную задачу преодоления кризиса — оздоровление общего климата в стране. То есть в центре внимания оказываются стратегические вопросы и социальные силы, реально способные изменить положение дел в обществе.

«ОНС» И здесь, очевидно, ключевой вопрос — о собственности?

Г. Р. Народ всегда обладает первородным правом на власть. Власть в хозяйстве обозначается понятием собственность. Общественная собственность означает, что власть в обществе и в хозяйстве у народа. У нас сейчас в ходу много сказок о собственности. Особенно любят рассказывать сказку о государственной собственности. Да не может государство быть собственником и никогда им не является! Государство — это машина, и надо понимать, что машиной управляют. Кто управляет — тот и собственник. У нас в СССР государство в своих целях использует номенклатура — правящая каста тоталитарного режима. Долгое время государством напрямую управлял партаппарат. Сейчас так действовать неудобно, партаппарат начал пересаживаться в другие кресла, но власть пока все та же — номенклатурная. И государство все то же — тоталитарное. Поэтому и собственность не народная, а антинародная. Говоря о частной собственности, идеологи программ перехода к рынку на основе разгосударствления и приватизации (в том числе и программы «500 дней») на самом деле имеют в виду частнокапиталистическую собственность, частное предпринимательство с эксплуатацией наемного труда. Такая собственность означает, что властвует предприниматель, капиталист, а не трудящиеся.

Лозунг демократического революционного движения — «Вся власть народу!». Мы должны бороться не с государством и не с государственностью, а за передачу государственной власти народу. Поэтому, когда номенклатура выдвигает свой лозунг «Разгосударствительность собственности», сознательные рабочие не подхватывают его. Они возражают номенклатуре так: долгие годы вы морочили нам голову, говоря, что государство у нас народное и собственность у нас народная. Теперь, когда обман вскрылся, вы говорите: государственная — значит, ничья. Так не бывает. Вы сидели за рулем государственной машины, вы и были собственниками. И вот загадка: почему номенклатура (фактический собственник в тоталитарном обществе) больше всех призывает к разгосударствлению собственности? Разгадка простая: она почувствовала притязания народа на государственную власть. Она хочет превратить собственность в негосударственную, чтобы сделаться законным собственником. Народу нельзя упускать власть в хозяйстве. Если поверим сказкам, что хорошо организовать хозяйство может только частный собственник, то эту власть упустим. Взяв в руки государственную власть, трудящиеся возьмут в руки и собственность —

власть в хозяйстве. Но если они собственность разгосударствят, то власть в хозяйстве им не достанется.

Логика реальной борьбы с тоталитарным режимом заставляет трудящихся противопоставляться нынешнему государству, стремиться к «отделению» от него. Так появились лозунги передачи государственных предприятий в собственность трудовых коллективов. Борьба за «отделение» от казарменного государства нужна и полезна. Она расшатывает, теснит командную систему. Однако гарантия производственной демократии, самоуправления, самостоятельности и путь к подъему хозяйства — в народно-демократическом характере государственной власти.

«ОНС» Но ведь 70 лет советской власти доказали, что народ не может наладить эффективное хозяйство.

Г. Р. Разве все эти годы народ управлял? Разве у народа власть? Это номенклатура управляла, и она, действительно, не может организовать хозяйство эффективно. В то же время можно привести немало примеров эффективного функционирования коллективных предприятий, успешно выдерживающих конкуренцию в условиях западной экономики. Так давайте отстроим от власти номенклатуру, не дадим ей сохранить собственность через разгосударствление. Общественная собственность — не глупость и не способ отчуждения трудящихся от производства. Напротив, власть всего народа в хозяйстве обеспечивает наиболее надежную защищенность самостоятельности, инициативы в хозяйстве, многообразия любых форм собственности. Единственно с нем общественной собственностью несоместима — это эксплуатация, ограбление труженика. Номенклатура эксплуатировала особенно жестоко, капитализм эксплуатирует значительно мягче, но народная власть способна наладить хозяйствование вообще без эксплуатации.

«ОНС» Каким образом?

Г. Р. Главное в экономической сфере — самоуправление. Наскоком его не добьешься и не осуществишь. Но готовиться к самоуправлению надо, уясняя его смысл, составляя конкретную программу действий и подбирая, выращивая кадры, преданные народному делу.

Мирный ход революции подготавливается и обеспечивается тем, что революционная сила создает свои структуры власти, ведет дело к двоевластию, а потом к переходу всей власти к новым структурам. Не случайно номенклатура так борется с параллельными структурами. Не случайно Верховный Совет СССР запретил рабочие (стачечные) комитеты как постоянно действующую структуру власти. А ведь это народ усилиями снизу создал свои новые советы, прообраз новой власти. Надо хорошо уяснить, что создание параллельных демократических структур как в хозяйстве, так и в обществе — очень верное и полезное дело. У нас на предприятиях уйма всяких бумажных организаций. Можно наполнить их новым смыслом, если прийти в них и направить на полезные народу дела. Хотя бы те же профсоюзы, советы трудовых коллективов. Но можно и создавать новые организации.

Обратите внимание на главное: *самоуправление открывает возможность для свободного нахождения и введения форм хозяйствования по своему вкусу, а не только выбора из предлагаемых сверху форм.* Но об этом надо вести особый разговор, подробный.